

УДК 81'42

СРАВНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВЕСНОГО ТВОРЧЕСТВА ПОЭТОВ БЕЛГОРОДЧИНЫ)¹

И. Г. Паршина

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
kashnikova_i@mail.ru*

В статье рассматривается сравнение как эффективное средство осмысления и поэтической интерпретации окружающей действительности, позволяющее в поэтической форме представлять субъективные представления об окружающем нас мире. Вводится понятие «региональный поэтический дискурс».

Ключевые слова: сравнение, поэтический текст, региональный поэтический дискурс.

Поэтические произведения привлекают внимание ученых разных областей знаний: филологов, философов, лингвистов, математиков. Являясь фактом языка и фактом культуры, обладая определенной системой стихосложения, поэтический текст на протяжении многих лет обнаруживает все новые аспекты исследования. Анализируются рифма и ритм, элементы, делающие речь поэтической (В. М. Жирмунский, В. Е. Холшевников), исследуются структура отдельных тропов и фигур (Ц. Тодоров, Б. В. Томашевский), а также механизмы поэтической структуры в целом (P. Guigaud, N. Ruwet). Интерес лингвистов вызывает «гиперсвязанность» и гиперструктурированность поэтического текста (Ю. М. Лотман, М. М. Бахтин, И. Р. Гальперин), исследуется его информационное богатство (Я. Славинский, В. А. Кухаренко), выясняются особенности поэтического текста в передаче эстетической информации (С. Ф. Гончаренко). Ведется изучение мотивации поэтического слова (А. А. Потебня, J. Cohen), выявление в структуре поэтического произведения специфики его высокого суггестивного и семантического потенциала (М. Л. Гаспаров, З. Д. Попова).

Существующие поэтические, стилистические и эстетические исследования различных элементов и уровней поэтического текста, тем не менее, не исчерпывают всю глубину проблематики поэтического структурирования и особенного эстетического функционирования законченного поэтического произведения в процессе поэтической коммуникации.

Актуальность данного исследования определяется, прежде всего, непреходящей ценностью самого объекта исследования – поэзии – и недостаточной изученностью проблематики собственно эстетического аспекта поэтического произведения. В изучении произведения поэтического искусства как законченного в себе целого, с одной стороны, а с другой, как частного по отношению к целому поэтической коммуникации «автор – текст – читатель», становится актуальной проблема активности воспринимающего сознания в процессе освоения информационного богатства поэтического текста. В этой связи также актуальным является обращение к понятию дискурс, функциональные свойства которого дают возможность эстетического представления смыслов в процессе поэтической коммуникации.

Своеобразие анализируемых нами сравнений во многом обуславливается *дискурсивным пространством* поэтических текстов белгородских авторов. Необходимость появления в науке понятия «дискурс» и целесообразность его применение при исследовании регионального словесного творчества во многом было «спровоцировано» чрезмерной многозначностью содержания традиционно используемого понятия «текст». Понимание многокачественной природы текста привело к появлению таких паратекстовых понятий, как «подтекст», «сверхтекст», «гипертекст», «интертекст» и т. п. Требовалось

¹ Опубликовано в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 годы по Госконтракту П 1306.

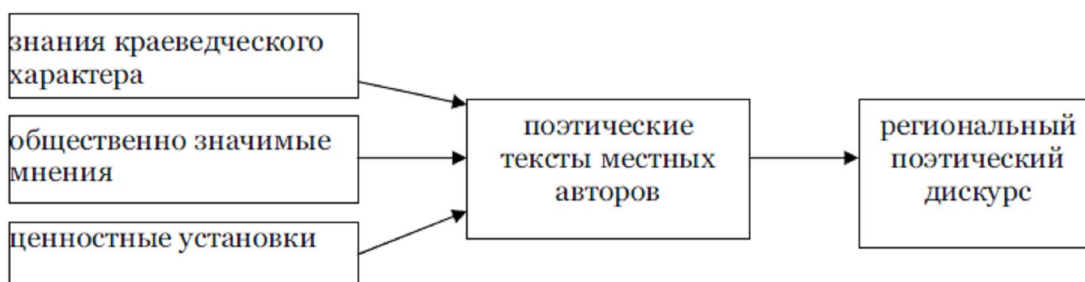

понятие, с одной стороны, более объёмное, чем текст, а с другой – содержащее в себе текст. Таковым и стал понятие «дискурс», которое является, конечно же, текстом, хотя не каждый текст – дискурс. Текстом может считаться лишь тот дискурс, который подвергается личностному осмыслению говорящих: шифруется, дешифруется, интерпретируется.

В соответствии с существующими теориями (М. Пеше, М. Фуко, Ю. Н. Караулова, Л. М. Макарова, Н. Ф. Алефиренко, Г. Н. Манаенко и др.) можно выделить два подхода к пониманию дискурса. Один из них «узкий», второй – «широкий». В узком понимании, дискурс – сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации. Элементами дискурса служат: излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т. е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.

Мы в данном исследовании используем широкое понимание дискурса, согласно которому, – это всё, что в форме письменной или устной речи предназначено для целенаправленного воздействия одних людей на других (публикации, учебники, выступления политиков и деятелей культуры, деловые письма и религиозные проповеди). Ближе всего в изложенной позиции и ценным для нашей работы является определение И. И. Чумак-Жуны, согласно которому «поэтический дискурс – это интегративная и системная (связанная) совокупность поэтических текстов в единстве лингвистических, прагматических, социокультурных, психических и паралингвистических факторов их порождения и восприятия» [1, с. 334].

В русле идей данной концепции мы вводим новое для лингвокультурологии понятие «региональный поэтический дискурс». Применительно к нашей работе, его сущностное содержание составляет *все то, что в форме поэтических текстов создано белгородскими поэтами, образное восприятие которых способно влиять на модели субъективного опыта человека, внутреннюю репрезентацию мира, убеждения и поведение*. Следовательно, **региональный поэтический дискурс** – это сложное коммуникативно-когнитивное образование, содержащее в себе не только поэтические тексты местных авторов, но и различные экстралингвистические смысловые компоненты: знания лингвокраеведческого характера, локально значимые мнения и ценностные установки. Смысловое содержание регионального поэтического дискурса конкретного поэта отражает (отрицает, согласуется, включает, восполняет) лингвоэтнокультурно связанные с ним дискурсы других авторов, включая, разумеется, предыдущий дискурс данного художника слова.

Таким образом, одна из важнейших форм существования регионального поэтического дискурса является *дискурсивное пространство*, не ограниченное видимыми пределами, но характеризующееся текстовой протяженностью и концептосферическим объемом. В частности, дискурсивное пространство регионального поэтического речетворчества служит естественной средой образования и функционирования регионально маркированных сравнений.

В соответствии с теорией Б. Уорфа, в когнитивных процессах образного сравнения наблюдаются явления универсального характера (не зависящие от конкретного языка), и не универсальные, переменные процессы, составляющие национально-языковые, культурные и индивидуальные особенности познания. Благодаря разнообразным системам общения и, прежде всего, благодаря языку, складывается общая для всего этноса или социума языковая картина мира, преломляющаяся в свои индивидуальные репрезентации в виде мира говорящего, который является частью этноязыкового сознания.

Разные структурные типы сравнений в соответствии с особенностями их участия в познании можно распределить на две неравноценные по объёму группы:

I. Сравнения общеязыкового типа (устойчивые сравнения) – их предмет и образ заранее известны. Например:

*Облака тяжелеют под утро,
Громоздятся, как горы, смотри!
Отливают они перламутром
На пылающих углях зари* (Л. Попов).

II. Сравнения в основу которых положены неожиданные (индивидуально-авторские) сопоставления и сближения реалий, их свойств и признаков. Сравнительные конструкции этого типа охватывают большинство художественно-значимых сравнений, включая очень разнохарактерные поэтические структуры:

1. сравнения с ярко выраженным предметным признаком сравнения типа ассоциации звёзд со свойством стекла (звезды мерцающие, светящиеся, как стекло):

*В ночи мартовские пряные
Просыпается весна
В небе звезды – как стеклянные,
Тонкий месяц – как блесна* (Г. В. Ходырева);

2. сравнения с усложненным, многоаспектным признаком сравнения. В этом виде сравнений можно выделить:

а) описательные сравнения с конкретно-чувственным компаративом:

*Смелась ты, и в вихре смеха
Летело, билось в чаще эхо
И возвращаюсь из глуши,
Как отзвук умершей души* (И. А. Чернухин);

б) усложнённые сравнения с ирреальным основанием компаративности:

*В него березовые ливни
Спадают с облаков.
И верб обломанные бивни –
Как сторожа – у берегов* (Г. В. Ходырева).

Сравнения общеязыкового типа в процессе познания действительности конструируются в сознании человека из «готовых» общеязыковых блоков, фиксирующих общеизвестные признаки предметов и явлений. В большинстве случаев ощущение знакомости, стандартности сравнения возникает при использовании в качестве образа сравнения обозначений реалий повседневного быта: *как хлеб, как вода, как солнце, как воздух*. В процессе познания сравнительные конструкции этого типа широко используются; сравнения подвергаются авторской переработке, приводящей в ряде случаев к оживлению стертой частым употреблением образной экспрессии:

*Стояла мать, корова траву рвала,
Июль пылал, как новая свеча.
Во мне настойкой молодость играла,
А мать все зная, прятала печаль* (В. Волобуев).

В данном контексте лексическое наполнение устойчивого сравнения расширяется вводом дополнительной лексики *новая*, что придает значению дополнительный оттенок – ‘быть в полном разгаре’.

Однако ощущение известности, знакомости таких сравнений остается – это и дает нам основания противопоставлять их сравнениям собственно художественным (индивидуально-авторским).

В группу **индивидуально авторских сравнений** входят те компаративы, которые основаны на установлении неожиданного и верно схваченного сходства каких-либо реалий или явлений в процессе познания (сравнения с простым признаком). Когнитивная сила таких сравнений – в единичности, разовости их употребления. Например:

*Грустно и одиноко стало,
Всюду жизнь затихла, замерла.
Музыка, как женщина, ласкала,
Не сказав ни слова, вдруг ушла* (Н. В. Молчан).

Сравнение в данном контексте осложнено дополнительным семантическим преобразованием, связанным с взаимодействием сравнения с метафоризацией одного из структурных компонентов (признака сравнения в сочетании с образом сравнения).

Данному типу сравнений помимо наглядной метафоричности присущи скрытые формы семантической многоплановости, создающие емкость ассоциаций преимущественной игрой на нормативных семантических признаках слов:

*Иду и играю
Роль бодрого мима,
А осень, как остров,
Проносится мимо* (В.К. Харченко).

Лингвокогнитивный механизм таких сравнений заключается в том, что сравнение строится не на главном (ядерно-понятийном), а на второстепенном (образном) признаке лексической семантики, в то время как дискурсивный контекст сравнения имплицитно содержит иной, глубинный, признак, который и является основой сравнения. Основной смысл данной сравнительной конструкции заключается в словах – *проносится* и *остров*, косвенно подчеркивающих семантически обязательный признак *осени* – её скоротечность и выделенность среди других времен года в сознании автора. Сравнения данного типа характерны неразвернутостью, сжатостью образного потенциала; в них внешнее внимание читателя обращается на какой-либо второстепенный с точки зрения понятийного смысла признак.

Емкость, объемность сравнениям может сообщать и наличие таких определений при структурных частях сравнения, которые устанавливают дополнительную корреляцию признаков:

*Любим ты мне, язык народа,
Красив и чист ты, как погода,
Как ясный солнечный денек
И как прозрачный ручеек...* (М. Анисимова).

В этом примере можно говорить об отношениях между определениями, близкими к синонимичным (*красивый* – *ясный*, *чистый* – *прозрачный*). Употребление такого рода «корреспондирующих определений» [2, с. 256] ведет к однотипному построению субъектной и объектной частей сравнительной конструкции.

В сравнениях с усложненным признаком можно выделить сравнения с конкретно-чувственной основой признака (группа 2а). В эту группу относится обширный класс сравнений, стремящихся расширить свое ассоциативное поле через образно-смысловую эллиптичность и недоговоренность. Например:

*Снова молния и вот
Дождь уже во всю клокочет.
Гром, как будто небо рвет
И неистово хохочет!..* (А. П. Форов).
*И с землей смешались небеса –
Всё кружится и несется разом...
Вьги, вьюги – словно голоса
Из полузабытых сказок* (Г. В. Ходырева).

Попробуем в вышеуказанных примерах однозначно восстановить пропущенное слово – соответственно образное звено: *гром* (гремит) как *будто небо рвет*, *вьюги* (напоминающие) *голоса из полузабытых сказок*. Как видим, данная реконструкция в одних случаях проходит легко, без видимого нарушения заданного сопряжения слов, в других восстановление влечет за собой явные изменения в поэтическом фрагменте; в некоторых случаях восстановление сужает образно-ассоциативное поле сравнения. Таким образом, сравнение выполняет дискурсообразующую функцию в поэтическом региональном дискурсе.

Мы видим, что поэзия, созданная средствами поэтического языка – языка тавтологического, навязывающего поэту способ его развертывания, обречена на повтораемость. Способ превращения в поэтический текст, его траекторию можно представить в виде круга, в центр которого находится транслирующая однородные смыслы внутренняя форма. Именно спецификой поэтического языка нередко обусловлены конкретные факты поэтической речи. Так, М. Л. Гаспаров пишет, что существуют определенные формульные конструкции (он их называет языковыми интертекстами), которые «возникают сами собой из-за того, что поэтический словарь ограничен, слова определенного ритма тяготеют к определенным позициям в строке, а для конца строки дополнительно отбираются легко рифмуемые слова».

Данные свойства поэтического языка предполагают некоторые структурные черты пространства регионального поэтического дискурса, а именно: наличие в нем единого центра-транслятора смыслов и способность к саморазвитию. Однако существование поэтической региональной дискурсивной среды детерминировано не только её культурным характером и спецификой лингвальной основы, но и ассоциативно-деривационной сущностью, обусловленной синергетическим взаимодействием порождающих её факторов.

Как утверждает И.И. Чумак-Жунь, смыслопорождающая энергия дискурса подпитывается различными энергопотоками: «сенсорно-перцептивной образностью, знаково-символической интерпретацией первичных образов, действием превращенной формы в тексте, и, наконец, воздействием эстралингвистической среды (ситуативного, коммуникативно-прагматического и культурного контекстов)» [3, с. 25].

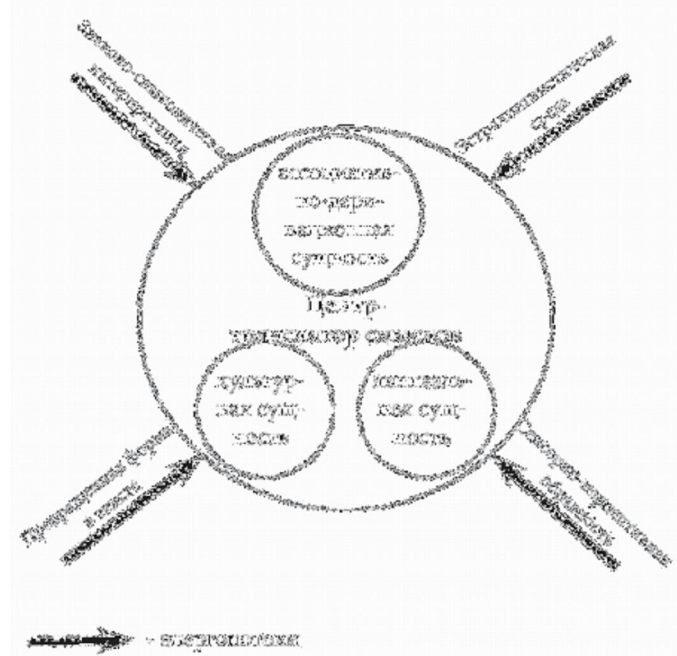

Рис. 1. Структура регионального поэтического дискурса

В своем единстве названные энергопотоки представляют собой ассоциативно-деривационную сущность дискурса, благодаря которой используемые в нем языковые знаки становятся его образными единицами, способными нести не только рациональную информацию, но и выражать практически необозримый спектр человеческих эмоций, представляя в единстве понимание и переживание человеком воспринимаемого мира. Именно в результате этого взаимодействия, как показывает Н. Ф. Алефиренко [4, с. 2], происходит «слияние и со-действие энергией», направленное на онтологическую и функциональную «самоорганизацию» дискурсивного пространства и определяющее смысловую дистрибуцию его ингредиентов. Таким образом, региональные поэтические тексты, которые являются предметом нашего рассмотрения, порождаются в особой дискурсивной среде – самоорганизующемся, смыслообразующем, нелинейном, синергетичном образовании, определяющим характер регионального поэтического языкового сознания Белгородчины. Например:

Кто может слушать, тот поймет

В каких родится Слово муках,

Кто может слушать – соберет,

Как клад, таинственные звуки.

Где каждый звук – волшебник Лель (И. А. Чернухин).

Так, в стихотворении И. А. Чернухина поиск слова для поэтического текста сравнивается с поиском клада, а дискурсивная среда предстает неким царством – таинственным и волшебным. Завершить образы-слова как *таинственные звуки* – дело поэта. Ведь «каждый текст (как высказывание) является чем-то индивидуальным, единственным и неповторимым, и в этом весь смысл его (его замысел, ради чего он создан)» [5, с. 283]. Эта индивидуальность и неповторимость связана с замыслом, интенцией поэта – создателя текста – как языковой личности. Этими факторами и обусловлено главное противоречие регионального поэтического дискурса – бессубъектный характер зарождающихся поэтических смыслов (целого) и субъектный характер частей (текстов).

Создавая текст, поэт воспроизводит его наиболее стереотипные выражения о мире; мыслительная деятельность ограничивается сферой дискурса: дискурсивное взаимодействие выступает здесь в виде «внутреннего голоса», подсказывающего – при ономазиологических затруднениях – определенную языковую информацию [6, с. 94].

Приведенный анализ показывает, что в процессе поэтического восприятия и интерпретации объектов действительности, поэты стремятся отойти от стереотипных образов, используемых в устойчивых сравнениях узуального характера, при этом обращаются, как правило, к неординарным, неожиданным образам. В итоге, сравнения оказываются эффективным средством осмысления и поэтической интерпретации окружающей действительности, позволяют в поэтической форме представлять субъективные представления об окружающем нас мире. Таким образом, а системе регионального поэтического дискурса «дискурсивный голос» пропускается через мир творящего сознания, субъективного по своей внутренней духовности, и оформляется автором-творцом в тексте – явлении художественной авторской событийности.

Список литературы

1. Чумак-Жунь И. И. Автометодискурс как составляющая поэтического дискурса // Русский язык: Исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ, им М.В. Ломоносова, 20-23 марта 2007 г.): Труды и материалы. – М.: МАКСПресс, 2007. – С. 334 – 335.
2. Некрасова Е. А. Сравнение // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия / Под ред. А.Д. Григорьевой. – М., 1977. – 114 с.

3. Чумак-Жунь И. И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: моногр. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – 244 с.
4. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурологическая синергетика дискурса // Лингвистические парадигмы и лингводидактика. – Иркутск, 2005. – Ч.1. – С. 22-27.
5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 444 с.
6. Брутян Г. А. Лингвистическое моделирование действительности и его роль в познании // Вопросы философии. – 1972. – №10. – С. 87–96.

COMPARISON IN THE STRUCTURE OF THE POETIC REGIONAL DISCOURSE (THE CASE OF VERBAL CREATIVITY OF BELGOROD POETS)

I. G. Parshina

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
kashnikova_i@mail.ru*

The article describes comparison as an effective means of judgement and interpretation of the poetic discourse, which allows to show subjective representations of the reality in poetic creativity. The concept «regional poetic discourse» is introduced into scientific terminology.

Key words: comparison, poetic text, regional poetic discourse.